

Москаленко Ю. В. (г. Владивосток, ДВФУ)

Образ «неба» в лирике поэта Чхон Санбёна

Проблема соотношения жизни и смерти постоянно приковывала к себе внимание современного корейского поэта Чхон Санбёна (1930–1993), однако на рубеже 60–70-х гг. XX в. она заняла исключительное место, как в поэтическом, так и обыденном сознании поэта, рождая сложный комплекс чувств: восторг, горечь, потребность в душевном равновесии перед лицом вечной загадки. Конец 1960-х гг. стал для Чхон Санбёна периодом глубокого духовного кризиса, никто не мог понять чувства невинного человека, пережившего тюремные пытки, потерявшего друзей. В 1967 г. агенты Центрального разведывательного управления Кореи стали подозревать поэта в шпионаже, после того как группа молодых корейских интеллектуалов, полная идей юношеского идеализма, тайно посетила северокорейское посольство, и это незаконное действие было раскрыто. Его имя было обнаружено в записной книжке одного из участников инцидента.

Стоит отметить, что в условиях сложившейся конфронтации с КНДР, жесткого противоборства Севера и Юга, весьма пригодился опыт кадровых агентов силовых структур, поддерживавших порядок и законность в стране и занимавшихся выявлением нелегальных прокоммунистических организаций на юге Кореи, поскольку «<...> официальной идеологией Южной Кореи на долгие годы стал антикоммунизм, поэтому <...> любое проявление социалистических взглядов и симпатии к КНДР воспринимается как преступление против государственной безопасности»¹. В такой ситуации избежать наказания за сотрудничество с предателями национальных интересов и пособничество было невозможно. Так, в 1967 г. для выяснения сопричастия к этому происшествию Чхон Санбёна в течение шести месяцев подвергали всевозможным духовным и физическим пыткам (пытали водой, подводили электрический ток к гениталиям и т. д.)². Чхон Санбён писал: «Из-за близкого друга я попал под подозрение в участии инцидента *Тонбэнним*, меня трижды пытали электрическим током, в силу чего мое тело стало непригодным для продолжения рода. Я стал неспособен иметь детей. <...> В тюрьме я подвергался пыткам, но истина и страдания воспитали во мне сильную личность, поэтому я смог с достоинством выстоять перед истиной, вытерпеть все»³.

После тюремного заточения, когда поэта освободили за неимением прямых доказательств причастия к инциденту *Тонбэнним*, для него начался мучительный период: после пыток электрическим током Чхон Санбён здоровье поэта ухудшилось, у него развилась алиментарная дистрофия, он стал хромать при ходьбе. В дневниковых записях Чхон Санбён писал о днях, проведенных в тюремных застенках: «Будучи подозреваемым в событии *Тонбэнним*, в июле

1967 года моя жизнь казалось конченной. В то время в отделении контрразведки меня трижды пытали электрическим током, выбивая признание о характере отношений с моим другом, уехавшим на стажировку в Берлин. Ни в чем невиновный я несколько раз падал в обморок, но к счастью все хорошо закончилось, я выжил. Сейчас, правда я хожу, прихрамывая, пошатываясь, но я знаю, что сильнее, правда или ложь. Люди думают, что я и мое тело стали таким из-за выпивки, но только я знаю, что виновата совсем не она. Я преодолел, выдержал эти страдания, что не единожды раздирали меня. Каждый раз, вспоминая о них, в жилах леденеет кровь. Мне бывало хотелось отыскать и убить истязавшую меня тварь, но я поборол, преодолел себя, и доволен этим»⁴.

Чхон Санбён ищет утешение в поэзии. В его стихотворчестве появляется ряд поэтических произведений, связанных с представлениями поэта о жизни после земной смерти, в которых все четче прорисовывается образ «неба»: стихотворения «Дым» («Ёнги»), «Возвращение на небо» («Квичхон»), «Небо» («Ханыль») и др., в которых он четко демонстрирует стремление и волю вернуться в лоно природы. В связи с тем, что в произведениях Чхон Санбёна смерть имеет смысл зарождения, а не вечного, неизменного уничтожения, можно отметить, что поэту была близка даосская идея, поскольку «древние даоссы стали считать смерть возвращением: человек лишь на мгновение возник из небытия и будет поглощен океаном бездонного хаоса. Поэтому жизнь и смерть – почти одно и то же. Нет никакого смысла радоваться жизни и печалиться о смерти. Все – едино...»⁵. Эти идеи определяли самоощущение человека, его отношение к миру, характер отношений между людьми и т. д., поскольку любое познание мира развивалось в рамках господствовавшей даосско-буддийской или конфуцианской традиции.

Лирика Чхон Санбёна с самого начала складывалась как натурфилософская: в центре внимания поэта – человеческая жизнь во Вселенной и общем бытии человечества. Смерть как завершающий момент существования живого существа выступает для поэта как определяющий момент его мировоззрения, переживание смерти является важным компонентом любой социо-культурной системы, оно сопровождает исторический процесс становления личности. Ситуация, сложившаяся в Республике Корея в 60–70-е гг. XX в., способствовала дальнейшему развитию творчества Чхон Санбёна и дала мощный стимул буддийскому направлению. В обстановке кровавых политических столкновений, заговоров, дележа власти между верхушкой в творчестве художника наступил период, ставивший себе задачу духовного выживания в мрачный период упадка. Раздавались суровые голоса критиков, обвинявших поэта в оторванности от жизни, стремлении избежать ее грубых сторон и заменить жизнь утонченной эстетической игрой.

Идея вечного возвращения, которая появляется в стихотворениях данного периода, снимает остроту проблемы смерти для Чхон Санбёна. Мысли

лирического героя о смерти позволяют избавиться от заблуждений суетного бытия, та неизменная свобода, о которой грезит герой, и есть сама природа, в которой нет ни эгоизма, ни тревог, ни волнений. В это время «небо» взаимосвязано с заветным желанием поэтического «Я» – вырваться из плена пессимистичного познания, освободиться от нигилистического мировосприятия, чувства отчуждения, безнадежности и опустошенности, скитаний и уныния. В поздней лирике поэта творчества образ «неба» представляет райский мир, противостоящий земному миру. «Небо» для Чхон Санбёна, познавшего жизнь в страданиях и жаждущего освобождения от ограничений частного бытия, – идеальное пространство, где возможно наслаждение вечной жизнью, спокойствием и благополучием. В это время Чхон Санбён – неутомимый искатель той духовной радости, которую дает общение с природой.

*Когда дерево горит,
К небесам вздымаясь,
Валит дым.*

*Когда умру, меня положат в землю,
Но все же душа моя
Должна будет подняться ввысь небес.*

*Отчего душа моя
Как дерево не сможет поступить?
После смерти дымом вознестись!⁶*

В данном стихотворном произведении «Дым» лирический герой не воспринимает смерть как «уничтожение», он желает сблизиться с природой. Именно фраза «*Душа моя / должна будет подняться ввысь небес*» демонстрирует надежду поэта. Как известно, в классической корейской литературе «небо» выступает как главный элемент мироздания, оно простирается над всем и вся. М. И. Никитина писала: «Человек мыслится частью мироздания, третьим элементом триады Небо, Земля, человек. <...> Между небом и землей место не только совершенномудрых государей, но и простых смертных, ушедших от мира суеты»⁷.

В анализируемом произведении «небо» обозначено корейским словом «ханьль» («небо»), которое в классической корейской литературе определяется как «абсолютный или относительный верх». М. И. Никитина отмечала: «Пространственные прилагательные, определяющие небо, появляются в тех случаях, когда в стихотворении одновременно говорится и о земле, которая также имеет пространственную характеристику»⁸. Однако Чхон Санбён в данном случае не использует ни одного прилагательного, характеризующего «небо» или «землю». Слово «ханьль» не сочетается у автора с осязательными прилагательными, которые дают небу зрительную характеристику.

Как указывала М. И. Никитина, «контакт человека с небом ханыль не носит бытового частного характера, он носит космический характер и связан с восстановлением гармонии в космосе. Для того чтобы человеку войти в контакт с небом ханыль, его нужно достичь, на него надо подняться, т.е. необходимо движение вверх, что в сиджо встречается редко»⁹. Для этой цели Чхон Санбён применяет образ дыма, что образуется при сгорании дерева: *«Когда дерево горит / К небесам вздымаясь / Валит дым»*. Самое название стихотворения «Дым» говорит о естественном движении вверх – столб дыма, поднимаясь в небеса, символизирует мировую ось, спасительную тропу из времени и пространства в вечность и безграничность. Дым в данном случае выступает как своеобразное средство связи с небесами, как символ мимолетности жизни. Таким образом, небо выступает как среда, где дым реализует свои пространственные позиции, световые, цветовые и динамические свойства.

Особым вниманием удостоено знаменитое стихотворение Чхон Санбёна, ставшее чем-то вроде прощальной записки – «Возвращение на небо» («Квичхон», 1971), уже в названии которого выражено стремление, воля и желание поэта вернуться обратно к природе. Корейский литератор Мин Ён по поводу этого произведения писал: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В этом стихотворении поэт красиво и открыто воспекает собственное душевное состояние»¹⁰.

*Я на небо вернусь
Рука об руку вместе с росой,
Что исчезнет, лишь наступит рассвет.*

*Я на небо вернусь.
Двое нас: я и рассвет
На краю поиграв, облакам помахали.*

*Я на небо вернусь.
И в конце пребывания моего в этом мире –
Я вернусь и скажу: «Это было красиво»¹¹.*

Чхон Санбён благодаря собственному мировосприятию, пронизательному взгляду на жизнь, появившимся после глубокого погружения в философию буддизма и даосизма, приобрел относительно безбоязненное отношение к смерти как к очередной форме растворения в природе. Его трансцендентная опора, по мнению критиков, заключалась в созерцании природы. Корейский исследователь XX в. Ли Ючжин указывает: «Приобретя широкий взгляд на жизнь, его манера поведения, его отношение, все говорило о том, что Чхон Санбён не опасается даже смерти. <...> Свобода и невинная чистота Чхон Санбёна, освободившегося от традиционных обычаев, заключается не в привязанности к жизни, а в беспристрастном к ней отношении»¹².

Лирический герой в произведении «Возвращение на небо» не воспринимает смерть как участь, возложенную на человечество, и то, чего всегда страшатся, здесь она красива и спокойна, в ней просматривается желание героя вернуться на небеса, которые символизируют в данном случае безграничную свободу и настоящий покой. В анализируемом стихотворении Чхон Санбён использует композиционную градацию, эмоциональное нагнетание, непременным условием которой является усиление лирического напряжения. Обычно градация связана с повторением той или иной части речи, так трижды повторяющаяся фраза «я на небо вернусь», расположенная в порядке возрастания эмоционально-смысловой значимости, становится темой произведения. Повтор фразы «я на небо вернусь» акцентирует внимание читателей на устремленную в будущее волю и желание поэта, который выходит за пределы этого света.

Лирический герой в третьей строфе называет земную жизнь «пребыванием, в этом прекрасном мире», ведь жизнь на земле недолговечна, мимолетна, именно поэтому он связывает ее с образом «прогулки», – кратковременным отдыхом. Герой не опечален скоротечностью земной жизни, он словно ребенок с присущей ему детской наивностью верит, что жизнь – «прогулка», после которой он вернется туда, где есть настоящий покой, подлинная свобода и вечность – на небеса.

Последние строки стихотворения *«Я на небо вернусь / И в конце пребывания моего в этом мире / Я вернусь и скажу: "Это было красиво"»*, отразившие характер глубокого духовного переворота в жизни Чхон Санбёна, можно считать девизом всей дальнейшей литературной деятельности писателя. После выхода в свет произведения «Возвращение на небо» («Квичхон») мир поэтического сознания Чхон Санбёна прочно удерживает позицию «экскурсанта», «путешественника», причина которой заключается в том, что он сумел сохранить собственный духовный мир от жажды материального. В зрелый период жизни Чхон Санбён, несмотря на собственную бедность, с благодарностью принимает условия данной ему жизни, такой, какая она есть, в его душе, выражающей признательность небу за все, нет места ненависти, корысти, злобы.

Чхон Санбён как подлинный ценитель красоты природы чужд практицизма, он относится к природе свободно и незаинтересованно, не стремится извлечь практическую выгоду из общения с ней. Когда поэт остается один на один с природой, он превращается в сторонников чистой эстетики. Природа рождает в нем чувство возвышенной радости и вечного обновления. В поэтическом творчестве Чхон Санбёна образ «неба» – символ свободы от негативной действительности, позволяющий поэтическому «Я» навсегда сбросить оковы земной жизни, освободиться от скованности частного бытия в этой жизни. Образ «Неба», тесно связанный со смертью и представленный

главным образом в поэтическом сборнике «Птица» («Сэ», 1971), символизирует райский мир, противостоящий земному миру.

Трагические потрясения XX в. научили Чхон Санбёна ценить радости безмятежного покоя, которые он сумел достичь на склоне лет благодаря приобщению к буддийскому созерцанию. На позднем этапе творчества поэт начинает принимать реальность и мир с объективной, светлой позиции, продвигаясь все ближе к гармоничному существованию. Так, преодолев грусть, печаль, уныние и тревогу, он обретает чувство спокойствия. Характерная особенность мировосприятия Чхон Санбёна – повышенная чуткость к самым общим вопросам жизни и смерти, тенденция осмысления мира, что позволяет охарактеризовать его творчество как конкретно-чувственное изображение действительности. Образ природы и внутреннее состояние лирического героя предстают как разговор об основополагающих ценностях мира и человеческого сознания. Чхон Санбёна – поэт, уединяющийся в абстрактный мир своей идеи, мысли, и в этом смысле отгораживающийся от жизни. Чхон Санбён, обретая свободу и чувство подлинного покоя в своих произведениях через своеобразное прохождение смерти, окончательно преодолел пессимистическое самосознание и трагическое мироощущение, благодаря чему поэт сумел продолжить движение вперед, его самосознание устремилось к свободному духу и психологическому покою. Чхон Санбён освобождается от чувства неизбежной трагичности, от неприятия жестокого реального мира, поэзия зрелого периода осветляется верой, ведь, несмотря на то, что люди периодически отворачиваются от непреходящих духовных ценностей, накопленных человечеством, искания вновь и вновь приводят их к религии. Так, явно выраженный трагизм, пессимизм в оценке перспектив общественного развития, представленный в стихотворчестве поэта раннего периода, впоследствии минимизируется, и вскоре Чхон Санбён вовсе прекращает разговоры о бессмысленности и безвыходности всего происходящего в мире, и приходит к утверждению ценностей религии. В это время все больше проявляется философский взгляд поэта, духовно освободившегося от ограничений действительности, на проблему жизни и смерти. Так в его поэзии сформировалась эстетика чувств, воспевающих жизнь. В творчестве поэта появляется тенденция создания доброжелательной действительности, что проявляется в его стихотворчестве в мотивах благодарности и признательности.

¹ Толстокулаков И. А. История общественно-политической мысли Кореи. Владивосток, 2007. С. 201.

² Чхе Донхо, Син Бомсун, Чон Гвари, Ли Гванхо. Мунхакква чисонса хангук мунхаксончип 1900–2000 си (Литература и знания. Избранные произведения корейской литературы. Поэзия 1900–2000-х гг.). Сеул, 2007. С. 448.

³ Чхон Санбён. Квэнчхантха квэнчхантха та квэнчхантха. (Хорошо, хорошо, всё хорошо). // Супхильчип (Сборник очерков). Сеул, 2001. С. 43.

⁴ Там же, С. 28.

⁵ Бежин Л. Е. Под знаком «ветра и потока». Образ жизни художника в Китае III–VI вв. М., 1982. С. 89.

⁶ Чхон Санбён. Чумагесо. (В таверне). // Сичип (Поэтический сборник). Минымса, 1979.

⁷ Никитина М. И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо: (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. С. 84–85.

⁸ Там же, С. 91.

⁹ Там же, С. 92.

¹⁰ Мин Ён. Чхон Санбёныль чхачжасо. Мин Ён сини пхёнханын Чхон Санбён. Сеул, 1971. С. 136.

¹¹ Чхон Санбён. Чумагесо. (В таверне). // Сичип (Поэтический сборник). Минымса, 1989. С.

¹² Ли Ючжин. Чхон Санбён си ёнгу (Исследование поэзии Чхон Санбёна). 2001. С. 70.